

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-186-196

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В МИРЕ. ИСТОКИ РУСОФОБИИ

Интервью с профессором международных отношений
и политических наук Университета Сан-Франциско
АНДРЕЕМ ПАВЛОВИЧЕМ ЦЫГАНКОВЫМ



Андрей Павлович Цыганков — политолог, специалист по российско-американским отношениям, выпускник философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры международных отношений и политических наук Государственного университета Сан-Франциско, PhD.

В интервью анализируются состояние и перспективы двусторонних отношений между США и Россией, влияние русофобии на характер восприятия образа России и ее внешней политики в США в академической среде и кругах политического истеблишмента. Давая характеристику присутствия России в глобальном медийном пространстве, А.П. Цыганков подчеркивает необходимость активного продвижения позитивного образа России.

Ключевые слова: русофобия, российско-американские отношения, США, Россия, международные отношения, роль СМИ

— Андрей Павлович, в своей книге «Русофобия: антироссийское лобби в США» вы поднимаете множество вопросов, актуальность которых с каждым днем возрастает все больше. Вы указываете на то, что одной из причин роста русофобии среди политических кругов является брошенная Россией вызов гегемонии США. По вашему мнению, это элемент здоровой конкуренции между великими державами или нечто иное?

— Вопрос сложный. Несомненно, что в данном случае имеет место конкуренция держав и использование ценностей в политической борьбе. Здесь следует иметь в виду три влияющих друг на друга измерения. Во-первых, речь идет о социально-культурных различиях, которые политизируются элитами в целях оказания внешнего давления. Эти различия хорошо известны. Русская традиция и ее система ценностей начала формироваться значительно раньше американской и существенно отличается от нее по целому ряду исторических и геополитических причин. Это — традиция сильной исполнительной власти, которая претерпевала различные модификации в московский, петербургский, а затем советский периоды. Эта традиция продолжает действовать и сегодня.

Американская традиция складывалась иначе и представляет собой конкурентную политическую систему со сложившимися в ней сдержками и противовесами. Это принципиально разные системы, хотя русская традиция включает в себя элементы конкуренции, а американская — предполагает достаточно сильную власть президента.

Безусловно, существуют определенные фундаментальные социокультурные различия. Существуют фобии, характерные для всех народов, особенно исторически находившихся в сложных отношениях друг с другом. Международники знают, что национальная идентичность и государство-нация предполагают возможность, по крайней мере, латентного национализма и определенной социокультурной замкнутости на себя, которую в антропологии и социологии именуют этноцентризмом. Этноцентризм есть пассивная или активная убежденность в том, что «наши ценности естественны». Чем крупнее нация, тем больше она стремится сделать свои ценности более универсальными, распространить их на других.

Отсюда — фобии в отношениях России и США, причем с обеих сторон, и для преодоления этих фобий может требоваться немалое усилие, прежде всего, со стороны политических элит. Эти фобии могут быть относительно пассивными и не препятствовать политическому диалогу в международных отношениях, но могут и принимать характер активного национализма и неприятия другого, проявляясь в формах информационной войны, политизации и «подогрева» фобий внутри страны. Этот путь сегодня проходят отношения России и США. В американском восприятии, о котором мы беседуем, играют роль вышеуказанные социокультурные различия и этноцентризм, но еще более заметно на данном этапе стремление элит заострить эти различия и сделать из них политику. Тут мы подходим ко второму измерению.

Это измерение связано с борьбой за власть и статус в международной системе. Данный процесс начался не сразу после окончания холодной войны, но постепенно набирал силу. Противоречия между Россией и США обострились по целому ряду направлений: расширение НАТО, восприятие безопасности, «цветные революции», система противоракетной обороны, ряд процессов, связанных с внешнеполитическим вмешательством США в дела других государств. В этой ситуации ценности перешли на уровень политического противостояния и используются сегодня в борьбе за власть и статус в мировой системе. Это — основа моей аргументации в книге «Русофобия: антироссийское лобби в США» [Цыганков 2015].

Существует и третье измерение, связанное с внутренней политикой. Речь идет о чрезвычайно возросшем противостоянии внутри политического истеблишмента США и обострении либеральной русофобии, поскольку именно эта группировка использовала борьбу за ценности в своей внешнеполитической борьбе и в борьбе с Д. Трампом на президентских выборах. Приход Д. Трампа к власти и его изначальное стремление к нормализации отношений с Россией — одна из причин обострения дискурса русофобии в США, и далеко не случайно, что наиболее активен этот дискурс в либеральных СМИ, таких как *New York Times*, *Washington Post*, *CNN* и других. Общеизвестно, что и Россия связывала

с приходом Д. Трампа определенные надежды. Все это работает на обострение противоречий, и ситуация продолжает усугубляться. Либеральный истеблишмент борется за отрешение Д. Трампа от должности и использует Россию и пресловутый «сговор» американского президента с Кремлем как таран в достижении внутривнутриполитических целей. Действующему президенту США вменяют не просто коррупцию и использование политики для личного обогащения, но предательство национальных интересов. Поэтому в его дискредитации столь важную роль играет разведывательное сообщество, особенно ФБР и ЦРУ.

Взаимодействие этих трех измерений русофобии не слишком хорошо разработано и должно изучаться специально. Поскольку ваш журнал — один из опорных в академическом сообществе, надеюсь, что исследователей эта проблема заинтересует. Любой анализ русофобии в Америке или американофобии в России должен включать все три измерения.

Теперь по второй части вашего вопроса. Здоровая ли это конкуренция? Думаю, что вряд ли. Здоровая, или честная, конкуренция предполагает наличие определенных правил и определенного уважения к статусу соперника. Даже во времена холодной войны такие правила имелись, как имелось и определенное уважение в общении государственных лидеров. То, что мы наблюдаем сегодня, выходит за прежние рамки приличия. Против законно избранной власти используются заговоры спецслужб. Д. Трамп, конечно, не получил большинство, но был избран согласно существующему законодательству США. Против России активно задействуют дезинформацию и старые мифологемы. В своей книге я писал об этих мифологемах подробнее [Цыганков 2015]. Россия представляется как политическая система, основанная на лжи и насилии внутри страны и агрессии во внешнем мире. При этом выпадают из рассмотрения такие «нюансы», как значительная поддержка власти со стороны народа, легитимность действующей власти, борьба с различными злоупотреблениями, руководствующаяся национальными интересами внешняя политика и многое другое. Трудно назвать здоровой конкуренцией приписывание России каких-то сверхъестественных демонических возможностей, активное муссирование мифологии и раздувание различного рода сенсаций и скандалов вокруг прослушки представителей администрации Д. Трампа со стороны ФБР, утечек информации и т.п.

— Наука о международных отношениях, как и любая общественная наука, не существует в вакууме и не является полностью объективной — она подвержена влиянию идеологии. Насколько русофобия влияет на объективность академической науки в США, а антиамериканизм — в России?

— Широкий и важный вопрос. Безусловно, объективность труднодостижима, потому что имеет место влияние ценностей, идеологии и эмоций.

Хотелось бы обратить внимание на работы, связанные с социологией науки. В определенной степени наука является отражением определенных социальных убеждений, стереотипов. Об этом писали еще К. Маннгейм [Маннгейм 1998] и М. Вебер [Вебер 1990]. И даже в теории современной науки, притом не только общественной, речь нередко идет о влиянии социальных парадигм — темы, ставшей классической в работе «Структура научных революций» Т. Куна [Кун 1975].

В международных отношениях данные позиции также достаточно развиты. Конструктивизм исходит из того, что знание, реальность как таковая конструируется определенными представлениями и определенной исторической реальностью. Хотелось бы отметить, что и для марксизма данная традиция не является чуждой, ведь наука рассматривается здесь как одна из форм классового сознания.

Поэтому неудивительно, что фобии и этноцентризм, о которых мы говорим, играют свою роль и в США, в частности, в находящейся под либеральным влиянием академической науке. Свои фобии, стереотипы и свой этноцентризм имеются и в российской академической науке, осложняя рост объективного научного знания.

Тем не менее объективность остается конечным мерилем знания и науки. Окончательная объективность недостижима, но люди, называющие себя учеными, обязаны к ней стремиться. Такая формулировка до известной степени парадоксальна, но парадоксальна и сама жизнь. Мы к чему-то стремимся, во что-то верим и умираем с этим стремлением и верой, составляющими смысл нашего существования. Без стремления к объективности, веры в нее нет науки. Без такого стремления и веры наука превращается в пропаганду и обоснование того, что говорят «власть предержащие».

Идеологию и ценности необходимо изучать и анализировать; они, безусловно, влияют на науку, но не должны исключать стремления к объективности. Важно не дать политической конъюнктуре доминировать в науке. Иначе и в научной среде неизбежно стравливание, которое не оставит никакой возможности для анализа происходящего.

Идеология и ценности — часто основа и социальных наук, но идеология и ценности не обязаны сталкиваться друг с другом в угоду политикам и националистически настроенным элитам. Разные ценности и идеологии способны сосуществовать и обогащать друг друга. На мой взгляд, наиболее успешные и интересные проекты в науке — проекты межкультурные, междисциплинарные. России и США необходимы такие проекты. Они помогут разглядеть предрассудки и фобии во взаимоотношениях и наметить пути их преодоления. Несмотря на существующие различия между Россией и США, у нас есть немало общего.

— Вы разделяете антироссийское лобби в США на три группы: тех, кто еще со времен холодной войны мечтает уничтожить Россию, борцов за права человека и выходцев из Восточной Европы. Связана ли ненависть последних с предсказуемой полицивилизационной парадигмой? Изменяется ли позиция в рамках двух первых групп?

— Восточноевропейский национализм — проявление активной и давно сложившейся фобии. Пропаганда националистических ценностей в странах Восточной Европы часто связана именно с восприятием России как угрозы и с ее отказом быть частью большой Европы. Эти фобии восходят, например, к имперскому национализму, связанному с историческими образами Польско-Литовского княжества, а также периодами распада и раздела польского государства. На этих основаниях в интересах безопасности в Европе, в частности в Восточной Европе,

Россию ограничивают в реализации традиционного культурного влияния, связанного с историческими ценностями восточного христианства, славянства и русского мира. России отказывают в суверенитете, считая ее военной, политической и цивилизационной угрозой. Лучше чтобы Россия стала поменьше, чтобы было несколько «Россий», ведь тогда их было бы легче контролировать. Об этом в завуалированной форме писал известный идеолог З. Бжезинский в своей знаменитой книге о Евразии [Бжезинский 2013]. И лучше всего, чтобы процесс контроля России был подчинен Западу.

В связи с этим следует отметить, что происходит некий процесс возрождения имперского исторического сознания. Сегодня мы наблюдаем, как мир трансформируется в новом регионально-имперском направлении. Либеральная глобализация и выстроенная на ее основе единая американская империя слабеют, а на фоне этого ослабления в международной системе возрождаются старые фобии и стереотипы, а с ними и попытки мыслить как Речь Посполитая, Австро-Венгрия, Рим и т.д.

Данные стремления понятны, и я о них подробно писал в своей книге, рассматривая работы З. Бжезинского, Р. Пайпса, С. Сестановича [Цыганков 2015], являющихся выходцами из Восточной Европы и до известной степени разделяющих вышеуказанные установки. Важно отметить, что само по себе восточно-европейское происхождение, конечно, не делает человека националистом и русофобом. Националистические устремления конкретны и всегда были связаны со стремлением ослабить и изолировать Россию: оторвать Чечню, ограничить русское влияние на Балканах, в Восточной Европе, на Украине и в Молдове. Молдова — последний и активно развивающийся фронт противостояния. Страну рвут на части, и опасные тенденции продолжают нарастать.

Хочу заметить, что группировка восточноевропейского национализма никогда не играла ведущей роли в США. Она находилась на вторых или третьих ролях при доминировании после холодной войны либеральной и неоконсервативной групп, для которых характерна убежденность в необходимости развивать и навязывать миру американские ценности. Имперскими эти ценности называют нечасто, но по существу речь идет об имперской реконструкции мировой политики.

Как мы уже сказали, либеральный истеблишмент, включающий в себя и ряд республиканцев неоконсервативной ориентации (Л. Грэм, Дж. Маккейн и др.), оказался ослаблен в результате роста национализма и прихода к власти Д. Трампа. Такое ослабление ведет к озлоблению и новым усилиям по мобилизации и активизации вчера еще доминировавших группировок. Отсюда — процессы обострения борьбы во внутренней политике, и это новый этап развития русофобских процессов и настроений. Я пытаюсь описать этот этап в новой книге, построенной на анализе материалов СМИ и медиапространства, в котором разворачивается борьба за контроль Д. Трампа и России в целях укрепления ослабленных позиций либерально-имперского истеблишмента.

Самого Д. Трампа классифицировать непросто, но его не отнесешь к одной из данных русофобских группировок. Д. Трамп — отнюдь не пророссийский политик, как полагают некоторые в России. Крайне маловероятно, что он начнет

серьезное сотрудничество с Россией, даже если консолидирует власть. Убеждения Д. Трампа далеко не всегда и не во всем могут устроить Россию. Скорее всего, он наследует традиции старого великодержавного национализма США, восходящего, как об этом писал У.Р. Мид, к фигуре генерала и президента Эндрю Джексона [Mead 2013]. Джексонский национализм не разделяет многие из русофобских мифов и стереотипов о России. Такому национализму неважно, что происходит внутри России и каким образом легитимизируется ее власть и внешняя политика. Главное — укрепление своего могущества, своей власти, а не распространение обязательств, продвижение ценностей или укрепление международных институтов.

У.Р. Мид выделял четыре типа американской идентичности [Mead 2013]. Помимо Э. Джексона и двух других (А. Гамильтон и Т. Джефферсон), наибольшее влияние получила традиция, связанная с Вудро Вильсоном и глобальным распространением демократии и американских ценностей. ИмPLICITно это традиция содержит в себе отрицание российских и русских ценностей. Именно ею руководствуется сегодня либеральный истеблишмент США, включая Х. Клинтон, Б. Обаму, отчасти Дж. Буша-мл. и Б. Клинтона. Укрепившись после окончания холодной войны, эта традиция ослабевает и ожесточенно борется с возродившейся традицией американского национализма, которую представляет собой Д. Трамп.

России следует осознать, что даже если Д. Трамп укрепитя внутри страны, отношения с США будут далеки от гармонии, потому что американский национализм в исполнении Д. Трампа строится на ядерном могуществе, политике торгового протекционизма, навязывании своей воли по целому ряду важных для России вопросов во многих частях мира. Это не русофобия в том виде, в котором мы о ней говорили, но это и отнюдь не способ выстраивания стратегического партнерства. На сегодняшний день идет борьба тенденций великодержавного национализма, с одной стороны, и либерально-руссофобской — с другой.

— В последние несколько лет мы стали свидетелями санкционной политики, обвинений России в причастности к президентским выборам в США в 2017 г., нашей олимпийской сборной было предложено выступать на Олимпиаде в Пхенчхане (Южная Корея) в нейтральном статусе. Можно ли утверждать о политизации спорта и выходе русофобии на новый, ранее не существовавший уровень? Что, на ваш взгляд, еще будет предпринято в подобном ключе?

— Мне сложно ответить на данный вопрос, так как сфера спорта и его политизация требуют самостоятельного и профессионального анализа и изучения.

Я разделяю мнение, что политизация спорта, несомненно, имеет место и являет собой продолжение борьбы за власть и статус в мировой политике с использованием любых возможных средств, в том числе политизации ценностей. В данном контексте стоит вспомнить об обвинениях российских чиновников в коррупции, которые начались в президентство Б. Обамы, когда непосредственно представители Белого дома делали заявления о коррумпированности высшего политического руководства России. Ничего подобного не было ранее ни в период холодной войны, ни после. Попытки дискредитировать не только политический класс и поли-

тическое сообщество, но и спортивное сообщество России и его связи с Кремлем могут быть частью усилий оказать давление на российское руководство. До какой степени Международный олимпийский комитет связан с этим процессом и подвержен давлению и влиянию западных столиц, я затрудняюсь ответить, ибо подобные оценки требуют профессионального изучения. В необходимости данного анализа я не сомневаюсь.

В контексте сказанного хотел бы обратить внимание, что возможности единственной мировой сверхдержавы — как любят говорить о себе сами США — колоссальны. США способны влиять на международные организации, ее представителей. Но при этом стоит помнить, что Международный олимпийский комитет является глобальной международной организацией со своими собственными интересами и повесткой.

Рассматривая данную проблему, мы невольно задаемся вопросом: почему используется уязвимость России? Ведь очевидно, что вовлеченная в допинговый скандал Россия отнюдь не является единственной страной, отправлявшей причастных к использованию допинга атлетов на соревнования. Печально известный источник допингового скандала, соавтор «доклада Макларена» Г. Родченков отмечал, например, что на Олимпиаде в Южной Корее более 20 стран вовлечены в допинговые скандалы. Если так, то возникает справедливый вопрос: почему только одна страна — Россия — оказалась крайней и была лишена возможности выступать под собственным флагом? Это и должно мотивировать исследователей в поисках объективности при анализе происходящего.

Прогнозировать дальнейшее развитие событий сложно, но следует обратить внимание на попытки Международного олимпийского комитета и его президента Т. Баха оказать давление на Спортивный арбитражный суд. Внимания заслуживают предложения по реформированию Спортивного арбитражного суда в связи с его решением об оправдании и допуске ряда российских атлетов к Олимпийским играм в Южной Корее. Опасность такого «реформирования» в том, что исчезнет и сама возможность независимой экспертизы.

Несомненно, что будут развиваться новые информационные скандалы и попытки дискредитировать интересы и ценности России. Сохранятся тенденции, связанные с внешнеполитической конъюнктурой и стремлением США к глобальному доминированию. На первый план выйдут ядерный вопрос и уже прозвучавшие обвинения в адрес России о несоблюдении ею обязательств по договору о РСМД, в то время как сами США уже выделили огромные ассигнования на развитие ядерной программы и размещают инфраструктуру ПРО в непосредственной близости к России.

— Вы утверждаете, что «без активного присутствия в глобальном медийном пространстве Россия будет восприниматься как страна, погрязшая в коррупции и надорванная внешнеполитическими амбициями». Какие именно действия необходимо предпринять России, чтобы избежать этого?

— Учитывая уже сказанное, противостоять тенденции формирования негативного образа России сегодня необычайно сложно. Международная ситуация существенно усугубилась в контексте возрождения старых стереотипов и фобий.

Против России сегодня используются методы, которые применялись обеими сторонами в эпоху холодной войны, в том числе метод «выталкивания» из информационного пространства. США опасаются, что Россия, несмотря на существенно ограниченные возможности, оказывает непропорционально опасное влияние на западные ценности. Ситуация осложняется также и обострением упомянутых противоречий в области «ядерной гонки», региональной безопасности и др. Пока присутствие России в западном информационном пространстве сохраняется, но очевидно, что оно будет сужаться и дальше.

России стоит думать на перспективу. Работа в западном медийно-информационном пространстве и продвижение образа России необходимы. Пока в силу ряда условий, о которых мы сказали: конкуренция держав, резко обострившееся негативное восприятие России, — упор российских СМИ на Западе нередко делается на так называемую негативную пропаганду, связанную с дискредитацией негативных проявлений американской политики. Такая пропаганда связана с понятным стремлением держать удар и противостоять внешнему давлению. Но перспективу и образ страны таким образом не выстроить. Необходима пропаганда позитивная, связанная с привлекательным или, по крайней мере, понятным образом страны для тех сегментов западного населения и политического класса, которые не «заряжены» на русофобию. Целевой аудиторией позитивного образа страны должны быть умеренные скептики. Людей, готовых прислушиваться к позиции России, но не готовых воспринять ее как истину, сегодня большинство. Поэтому образ страны следует формировать с расчетом на вышеуказанную аудиторию.

Основы же такого позитивного образа — в нашей истории, в лучших и сильных сторонах российской действительности: в сильной, но легитимной и пользующейся поддержкой большинства власти; в борьбе со злоупотреблениями власти в центре и на местах; в гордом и талантливом народе, великой культуре и научно-технических возможностях; во внешней политике, стремящейся утвердить справедливость, уважающей международное право и основывающейся на национальных интересах. Естественно, важно, чтобы в самой России эти сильные стороны укреплялись, а не ослабевали. Сильная власть не отменяет, а подразумевает постоянную и результативную борьбу с коррупцией, бедностью, давлением на бизнес, фальсификациями выборов и т.д.

Возможности для позитивной пропаганды имеются. Например, они есть в связи с переговорным процессом по Ближнему Востоку и развитию образа России как сильного партнера в переговорном процессе, предпочитающего конфликту диалог и международное право. На сегодняшний день многие на Ближнем Востоке близки к такому восприятию России. Наоборот, попытки США вернуться к проблеме урегулирования палестино-израильского конфликта воспринимаются странами региона, за исключением Израиля, весьма критически.

— Возможен ли в будущем сценарий, при котором Россия и США будут союзниками, ведь, несмотря ни на что, наши страны и народы во многом схожи?

— К большому сожалению, я не разделяю оптимистических взглядов и прогнозов. В свое время и у меня были надежды на полноценное сотрудничество

между Россией и США, основанные на их значимости в поддержании глобальной стабильности и отсутствии принципиальных разногласий, характерных для периода холодной войны. Работу над своей книгой [Цыганков 2015] я заканчивал в период президентских выборов в США, когда шла борьба между кандидатами Б. Обамой и Дж. Маккейном. Финансовый кризис помог тогда одержать победу Б. Обаме, так как американское население отказало Дж. Маккейну в способности адекватно реагировать на вызовы и угрозы экономического кризиса. Но Б. Обама разочаровал. В период его президентства мы стали свидетелями попыток сближения США и России, но в результате Б. Обама, а за ним и Д. Трамп оказались слишком подвержены влиянию истеблишмента США, который в значительной степени скорректировал курс во взаимоотношениях с Россией.

На мой взгляд, для союзнических отношений необходим ряд условий. Одно из них — осознаваемая обеими сторонами серьезная угроза национальной безопасности, которой на сегодняшний день не существует. Угроза со стороны международного терроризма оказалась недостаточной. Попытки России создать антитеррористический союз с США успеха не достигли, провалившись после американского вторжения в Ирак. Соединенные Штаты обеспокоены растущей мощью Китая. Но российское восприятие Китайской Народной Республики (КНР) совершенно иное, и угроза со стороны КНР не может рассматриваться как общая для России и США.

Вторым условием может быть приход к государственному руководству лидеров, способных подняться над предрассудками и стереотипами истеблишмента и проводить новую политику. В американской традиции такими политиками были Ф. Рузвельт, Дж. Кеннеди, Р. Рейган, но сегодня мы имеем дело не с ними, а с обами и трампами...

Приходится признать, что условия союзнических отношений между Россией и США сегодня отсутствуют. В ближайшем будущем попытки нормализации двусторонних отношений со стороны России не приведут к встречным действиям. Политические элиты не готовы к выстраиванию двусторонних отношений в формате союзничества. Общество находится либо в плену у предрассудков, либо в ожидании появления лидеров, способных к выстраиванию качественно новых отношений между Москвой и Вашингтоном.

Следует исходить из того, что период сохранения напряженности будет длительным. Готовиться необходимо не к полноценному сотрудничеству, а к предотвращению эскалации конфликта, укреплению собственных возможностей и налаживанию диалога по тем проблемам, по которым это возможно.

Интервью провел А.С. Буторов

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Астрель, 2013.
- Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

Мангейм К. Очерки социологии знания: Теория познания. Мировоззрение. Историзм. М.: ИНИОН РАН, 1998.

Mead W.R. *Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World*, 2nd ed. London: Routledge, 2013.

Цыганков А.П. Русофобия: антироссийское лобби в США. М.: Эксмо, 2015.

Дата поступления статьи: 15.03.2017

Для цитирования: Психологическое восприятие великих держав в мире. Истоки русофобии. Интервью с профессором международных отношений и политических наук Университета Сан-Франциско Андреем Павловичем Цыганковым // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 186—196. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-186-196.

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-186-196

PSYCHOLOGICAL PERCEPTION OF GREAT POWERS' PERFORMANCE IN THE GLOBE. THE ORIGINS OF RUSSOPHOBIA

**Interview with ANDREY PAVLOVICH TSYGANKOV,
Professor, Chair of International Relations and Political Science,
San Francisco State University, PhD**

Abstract. Andrei Pavlovich Tsygankov is a political scientist, a specialist in Russian-American relations, a graduate of the Philosophy Department of Moscow State University, a professor at the Department of International Relations and Political Science of the State University of San Francisco, PhD.

The interview includes following topics: the state and prospects of bilateral relations between the US and Russia, analysis of the factor of the Russophobia phenomenon's influence on the perception of Russia's image and its foreign policy in the US in the academic environment and circles of the political establishment. Scientist admitted that today there are no conditions for allied relations between Russia and the United States. In the near future, attempts to normalize bilateral relations on the part of Russia will not lead to counteractions. Political elites are not ready to build bilateral relations in the format of alliance. The society is either trapped in prejudices, or awaiting the appearance of leaders that capable to build qualitatively new relations between Moscow and Washington.

Describing the presence of Russia in the global media space, A.P. Tsygankov emphasizes the need to actively promote the positive image of Russia, taking into account geopolitical realities.

Key words: Russophobia, Russian-American relations, the United States, Russia, international relations, the role of the mass media

REFERENCES

- Brzezinski, Z. (2013). *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. Moscow: Astrel. (In Russ.).
- Kuhn, T. (1975). *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow: Progress. (In Russ.).
- Mannheim, K. (1998). *Essays on the Sociology of Knowledge: Theory of Cognition*. Moscow: INION of RAS. (In Russ.).

- Mead, W.R. (2013). *Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World*. 2nd ed. London: Routledge.
- Tsygankov, A.P. (2015). *Russophobia and the anti-Russian lobby's influence on the U.S. Russia policy*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
- Weber, M. (1990). *Selected works*. Moscow: Progress. (In Russ.).

Received: 15.03.2017

For citations: Psychological perception of great powers' performance in the Globe. The origins of Russophobia. Interview with *Andrey Pavlovich Tsygankov*, Professor, Chair of International Relations and Political Science, San Francisco State University, PhD. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 186—196. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-186-196.